

В. К А Р А С Ё В А

МАЛЕНЬКИЕ ЛЕНИНГРАДЦЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Цена 12 коп.

Папка 11к.

В. Карасёва

МАЛЕНЬКИЕ ЛЕНИНГРАДЦЫ

Рассказы

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1969

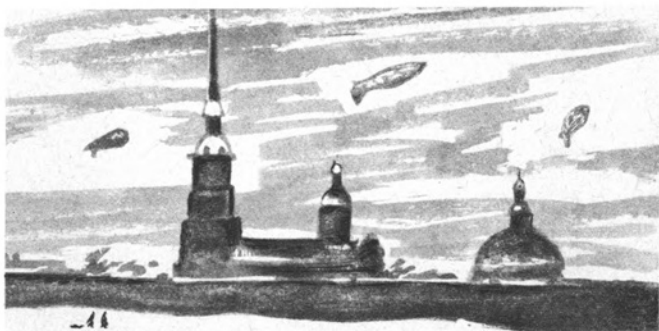
ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Маленькие ленинградцы, которым я посвящаю эту книгу, сейчас взрослые люди, у них уже есть собственные дети. А в ту пору, о которой написаны эти рассказы, они были такими же пионерами, как и вы. На их долю выпали тяжкие испытания: во время Великой Отечественной войны они жили в осаждённом фашистами городе и вместе со взрослыми защищали его от врагов. Я тоже жила в Ленинграде с маленькой дочкой. Это она сидела в уголке дивана в серёной шубке, и яйцо, найденное в стружках, тоже съела она. И это её товарищи тушили зажигалки, отводили в бомбоубежище малышей, ухаживали за стариками. О Ленинграде есть у меня ещё одна книжка для школьников, она называется «Здравствуй, Ленинград». В ней рассказывается об Октябрьской революции, о приезде Ленина в Петроград. Но больше всего у меня книжек для самых маленьких ребят, дошкольников. Они называются: «Домик у опушки», «Синяя чашка», «Меланка пришла в школу», «Про Людочку и других ребят», «Бабушкины внуки», «Подснежники», «Серёжины санки», и другие.

Желаю вам, ребята, хорошо учиться, дружить со своими товарищами и никогда не знать войны.

Вера Карасёва

Рисунки А. КИРИЛЛО

ТОВАРИЩИ ЛЕНИНГРАДЦЫ

Любочке было всего четыре года, и жила она со своей мамой в осаждённом немецкими фашистами городе Ленинграде.

В то время была война, и враги окружили Ленинград кольцом, взяли его в блокаду.

Любочкин папа сражался на Ленинградском фронте.

Большой дом, в котором жила Любочка, походил раньше на спелый стручок гороха, так плотно он был населён жильцами. Но сейчас дом опустел. Мужчины ушли воевать, ребят увезли подальше от фронта, а женщины работали на заводе и часто там же и жили, как солдаты, на казарменном положении.

Работать голодным и измученным бомбёжкой людям было очень тяжело. Но завод-то был военный, он делал танки, нужные фронту, и люди трудились сколько хватало сил.

Мама и Любочка жили в одной комнате, а вторую занимал Иван Кириллыч, пожилой токарь. Сыновья его воевали, а дочери с детьми уехали. Мама тоже могла уехать со своей Лю-

бочкой, но она знала, что папа воюет в нескольких километрах от их дома, и не хотела уезжать. Она думала: а вдруг папу ранят? Кто же тогда будет за ним ухаживать?

Но время шло, и мама с Любочкой чувствовали себя всё хуже и хуже. В начале войны они получали по карточкам достаточно хлеба и кое-какие продукты. Но после того как немцы разбили склады, продуктов в городе почти не осталось, и хлеба стали выдавать на целый день крошечный кусочек, размером не больше двух спичечных коробков. Это был уже настоящий голод.

Пришла зима, и Любочка так ослабела, что не могла ходить по комнате и перестала спускаться в бомбоубежище. С утра до вечера она сидела в уголке в своей серенькой меховой шубке и даже с любимой куклой Алей не хотела играть.

Ударил морозы, и в комнате стало так холодно, что меховая шубка почти не согревала Любочку, а дров не было. Мама давно уже сожгла деревянный ящик, где раньше они держали картошку, сожгла и лестницу, по которой папа взбирался чинить электрические пробки, потом — доску для пирожков и котлет: ведь ни пирожков, ни котлет никто теперь в Ленинграде не делал. Затем в печку отправились один за другим все стулья, Любочкина деревянная кровать и, наконец, обеденный стол. Иван Кириллыч заглянул однажды к ним в комнату, увидел, как мама суёт в печку ножку от стола, и сказал, что такую обжору мебелью не насытишь. И на другой день принёс маленькую железную печурку. Эту печурку можно было топить щепками, и в комнате всё-таки становилось тепло. Но когда сожгли обеденный стол, табуретку и большой комод Ивана Кириллыча, не осталось щепок даже для маленькой печки.

Утром мама оставила Любочку лежать под одеялом, а сама встала и ушла в кухню поискать что-нибудь деревянное, что могло бы сгореть в печурке и хоть немного обогреть комнату.

Но в опустевшей и обледеневшей кухне ничего горючего уже не осталось, не нашлось даже лучинок, на которых можно было бы согреть Любочке стакан чаю.

А Любочка в этот день чувствовала себя совсем плохо.

Худенькая и большеглазая, она лежала, свернувшись клубочком, под одеялом и была похожа на маленького захворавшего зайчонка.

И тут мама, впервые за всё время блокады, с мучительным страхом подумала о том, что её Любочка, её единственный, драгоценный сероглазый зайчонок, может умереть от холода и голода.

Последнее мужество, последние силы оставили маму. Она опустилась на колени, положила голову на Любочкино одеяло и заплакала. Так горько мама ещё никогда не плакала: ни в тот день, когда началась война, ни тогда, когда провожала на фронт папу.

А Любочка хоть и видела, что мама плачет, но оставалась совсем равнодушной. Она так озябла и так сильно ослабела, что ко всему была теперь безразлична.

Скрипнула дверь, и в комнату тихонько вошёл Иван Кириллыч. Он только что пришёл с работы и крепко озяб; брови

у него были белые, усы тоже белые, а нос красный от мороза.

Иван Кириллыч сделал вид, что не замечает маминых слёз, и сказал:

— А температура у вас пониженная, градуса три, не больше, надо скорее затопить печку.

Мама встала и сказала, утирая слёзы:

— Я уже всё сожгла, что можно было... Остался только диван, но мы на нём спим, да ещё папины книги...

— Книги жечь — это последнее дело, — сказал Иван Кириллыч. Он постоял, тихонько постукал валенками: видно, у него замёрзли ноги, погладил себя по лбу и вдруг торопливо направился к дверям.

Через несколько минут в коридоре что-то зашуршало, и в комнату снова вошёл Иван Кириллыч, таща за собой туго набитый большой матрасник.

— Вот, — сказал он, — это я нынче летом в нашей молочной набил. Сосновыми стружками из-под яиц. Всё равно на нём теперь спать некому, и мы его сейчас распорем и истопим печку.

Смолистые стружки горели очень жарко, с каким-то особенным гулом, свистом и даже как будто с весёлым пением. В комнате потеплело, но Любочка всё ещё лежала под одеялом. Мама сидела подле неё и пила её горячим, чуть подслащённым чаем.

Иван Кириллыч примостился на полу у печи, подкладывал в неё стружки и смотрел на Любочку. Он думал: «До чего же истаяла малышка. Молочка бы ей сейчас тёплого, хоть полстакана, или яичко!..»

Запустив руку в матрасник, Иван Кириллыч вытащил свежую охапку стружек, хотел было сунуть их в раскрытую дверцу и вдруг вскрикнул:

— Есть! Есть!

Мама обернулась и спросила испуганно:

— Иван Кириллыч, голубчик, что с вами?

Иван Кириллыч молча протянул руку. На его ладони, большой и чёрной от металлической пыли, лежало самое настоящее, крупное, чуть желтоватое яйцо.

— В стружках откопалось, вот чудеса! — сказал Иван Кириллыч.

Мама взяла яйцо, бережно, как очень хрупкую драгоценность, переложила его из одной ладони в другую, посмотрела на свет, потом прижала яйцо к щеке и засмеялась.

— Совсем хорошее: свежее, свежехонькое, словно вчера только снесла его курица, — сказала мама.

— Потому что в сухих стружках лежало. И ещё бы пролежало, не испортилось, да лежать ему хватит, — усмехнулся Иван Кириллыч, — сейчас наша Любушка его скушает! — Он налил в кружку крутого кипятку, и мама опустила туда яйцо.

Любочка съела яйцо и повеселела. Она уже не лежала, а сидела на диване и смотрела, как огненные языки слизывают одну за другой сухие стружки. Красные огоньки отражались у Любочки в глазах.

И мама тоже перестала украдкой вытирать слёзы. Ей опять стало казаться, что скоро всё будет хорошо. Ведь Любочкин папа со своими товарищами бьёт фашистов и скоро совсем прогонит их от Ленинграда. И Иван Кириллыч заботится о маме и Любочке и в трудную минуту всегда им помогает.

Кто-то постучал. В комнату вошли две незнакомые девушки в ватниках и меховых ушанках.

— Это вы — семья товарища Сергеева? — спросили они.

— Мы, — ответила мама и поднялась им навстречу.

— Мы привезли вам дрова. С завода, где работал ваш муж, — сказала одна из девушек.

— Всем семьям военных отвозим понемногу, — добавила другая. — Покажите, пожалуйста, где сложить.

— Я покажу, — вызвался Иван Кириллыч.

И мама с Любочкой скоро услышали, как девушки, тяжело ступая по коридору, потащили в кухню вязанки дров. Потом они снова зашли в комнату, погрели у печки руки и спросили маму, есть ли письма от инженера Сергеева.

— Есть, — ответила мама, — только не от инженера, а от капитана Сергеева.

— От нашего папы, — объяснила им Любочка.

Девушки попросили передать капитану привет, попрощались и ушли.

Только заперли за ними двери, и вдруг опять стучат — пришёл новый гость, Вовка из третьей квартиры. Вовка был такой закутанный, что сначала никто его не узнал. На голове шапка, на шапке башлык, а поверх башлыка мамин платок. На руках у Вовки две пары варежек, а на ногах большие, верно отцовские, валенки.

— Привет юному изобретателю! — сказал Иван Кириллыч. — Как мама поживает?

— Хорошо, — ответил Вовка. — Она сегодня дежурит в госпитале, а я пришёл к вам. Смотрите, что я для вас сделал. Это лампочка. Она горит ярко, а керосину берёт совсем мало.

Мама взяла у Вовы из рук маленький предмет, завернутый в бумагу. Это действительно оказалась лампочка. Она была сделана из флакона от духов: сверху железный кружок, в кружок воткнута трубочка, а в трубочке фитилёк из ниток.

— Чудесная лампочка, — похвалила мама. — Мы с Любочкой растопили на блюде ёлочные свечи, но получилась ужасная ерунда. А с такой лампочкой можно даже читать.

Мама размотала Вовке платок, сняла с него башлык и усадила греться возле печурки. Чтобы дети не скучали, она стала читать им книжку про деревянного мальчика Буратино. Книжка была такая интересная, что Иван Кириллыч тоже слушал с охотой.

Оттаявшие за день стёкла к вечеру снова покрылись ледяной корой. Мама посмотрела на окно и вздохнула. Но Иван Кириллыч сказал, что мороз крепчает и это замечательно хорошо, потому что немецкие самолёты в сильный мороз летать не могут: у них замерзает бензин. Значит, бомбить Ленинград сегодня не будут. А наше горючее мороза не боится, и наши лётчики могут сегодня спокойно прилететь в Ленинград и привезти письма, газеты и даже продукты.

И вдруг зашумело радио. Мама закрыла книжку и сказала:

— Неужели опять тревога?

А радио потрещало, поскрипело, побулькало, и вдруг весёлый громкий голос сказал, что по Ладожскому озеру в

Ленинград везут продукты, и с завтрашнего дня хлеба будут выдавать на 75 граммов больше.

— Ур-ра! — хором крикнули Иван Кириллыч и Вовка.

И Любочке тоже хотелось закричать, но у неё не хватило сил.

Ночь была тёмная, холодная и длинная, как и все ночи в Ленинграде в конце декабря, но воздушного налёта не было, и мама с Любочкой спали спокойно. Утром Любочка проснулась слабенькая, но не такая скучная, как вчера.

Через два месяца приехал с фронта на один день папа. Блокадная зима продолжалась, но солнце светило уже ярко, дни стали длинные, и в Ленинград по Ладожскому озеру шли машины и везли ленинградцам хлеб, сахар, крупу...

Любочка была ещё очень худенькая и бледная, но она уже ходила по комнате, сама умывалась в тазике и снова нянчила свою Алё. А Вовка снял платок и башлык и, привязав к валенку один конёк, пытался кататься по снегу во дворе.

Мама, конечно, рассказала папе о том, как жили они с Любочкой эти месяцы в осаждённом городе. И про яйцо не забыла рассказать, как неожиданно нашёл его Иван Кириллыч.

— Я его съела и стала поправляться, — объяснила папе Любочка.

— Верно, — согласилась мама. — С того дня тебе стало лучше. Но поправилась ты ещё и оттого, что о нас всё время заботились наши товарищи, наши смелые и добрые ленинградцы: и Иван Кириллыч, и девушки-дружинницы с папиного завода, и Вовка, и солдаты, прорвавшие кольцо блокады, и шофёры, возившие в Ленинград хлеб.

КИРЮШКА

В одном со мной доме, в соседней квартире, жила девочка. Шёл ей двенадцатый год, и звали её Кирой.

Все жильцы нашего дома называли её Кирюшкой, уж очень похожа она была на сорванца мальчишку. Худенькая, быстрогоглазая, курчавая и подвижная, как волчок, она минуты не могла усидеть на месте и командовала не только девочками, но и всеми ребятами нашего двора.

Никто никогда не видел Кирюшку с куклой в руках. Но зато она отлично играла в футбол и в городки и ловко мастерила рогатки.

Помню, сидела однажды я у себя дома и вдруг услышала звон разбитого стекла. Глянула — обе фрамуги прострелены насквозь. Была зима, и морозный ветер, вместе со снегом врывающийся в комнату, не доставлял большого удовольствия. Пришлось пойти в домоуправление, попросить, чтобы прислали стекольщика.

В конторе топтались у двери двое самых озорных наших мальчишек и, разумеется, Кира.

— Это я...— виноватым голосом докладывала она домоуправу.— Только я совсем не думала разбивать стекло... Я просто поспорила с Андреем и Генкой, что собью сосульку у тёти Нади под окном. Мне так неприятно... Честное пионерское... Я сейчас побегу за стекольщиком.

Это было зимой, а весной — новый случай, и произошёл он в день открытия футбольного сезона в нашем дворе. В открытое кухонное окно к нам влетел мяч. Сперва он резво запрыгал по столу, сбросил на пол стакан и чашку, потом шлёпнулся в большую кастрюлю с горячим молоком и, выбросив целый сноп молочных брызг, притих.

Я вытащила мяч из кастрюли, бросила его в раковину, а молоко решила отдать кошкам.

В окно я даже не выглянула: знала, что виновники преступления сами найдутся. Явятся как миленькие, не пропадать же мячу!

В самом деле, через несколько минут в дверь деликатно постучали.

Первая появилась на пороге взъерошенная и уже загоревшая на весеннем солнышке Кира. Сзади смущённо улыбались представители команды Андрей и Геннадий.

Кира вежливо поздоровалась.

Я сообщила ей о гибели целой кастрюли молока. Кира, похлопывая по мячу, сказала укоризненно:

— Эх, тётя Надя, тётя Надя! Надо ж было его сразу ополоснуть, а теперь пенки к нему присохли и трудно будет его отмыть.

Ну и девчонка!

...И вдруг эта озорная девчонка, эта сорвиголова Кириушка, совершенно изменилась.

Началась война. Отец Киры ушёл на фронт, её мать, врача, тоже мобилизовали, и работала она в одном из ленинградских госпиталей. Я поступила на оборонный завод и дома бывала редко. Большинство детей увезли в глубокий тыл, а те, кто остались, сбились в крепкое звено, в котором по-прежнему верховодила Кира. Ребята собрали бутылки, пустые ящики стащили на чердак и наполнили водой и песком: чтобы гасить зажигательные бомбы.

В бомбоубежище Кира и её друзья тоже навели порядок. Они взяли на себя заботу о самых маленьких детях. Притащили кое-какую детскую мебель, книжки, игрушки. В большом бидоне всегда была свежая вода, а вокруг электрической лампочки появилась металлическая сетка — это чтобы какой-нибудь хулиган не вздумал выкрутить лампочку и оставить

людей без света. И в убежище стало даже уютно, насколько может быть уютно в убежище во время бомбёжки и артиллерийского обстрела.

Но наступила первая блокадная зима, и убежище опустело. Не потому, что наверху стало спокойнее. Нет, осада города продолжалась. Но люди так сильно ослабели от голода, что им трудно было спускаться вниз.

Как только на Ладожском озере окреп лёд, снова начали вывозить из Ленинграда детей и взрослых. Но Кира уехать не согласилась.

— На кого я оставляю маму? — говорила она. — Кто ей печку истопит, кто воды принесёт?.. А за Леночкой кто ухаживать будет? Её папа тоже на фронте, а мама больна. И не думайте меня уговаривать... И силой тоже не увезёте, я царапаться и кусаться буду!

Куда уж такую — силой!

И откуда только бралась энергия у этой маленькой, худенькой девочки? Она трудилась у себя дома и помогала больной жене офицера, жившей с годовалой дочкой двумя этажами выше нас.

А тяжёлые блокадные дни складывались в недели, недели в месяцы. Однажды, это было уже в феврале, я, уходя на работу, увидела Киру. Она медленно спускалась по лестнице с ребёнком на руках. По розовому стёганому одеяльцу я догадалась, что Кирюшка несла Леночку. В то время мы не задавали друг другу лишних вопросов. Я только внимательно посмотрела ей в глаза. Она молча кивнула головой и, отвернувшись, вытерла рукавом мокрое от слёз лицо.

Я поняла: ещё один маленький ленинградец осиротел в осаждённом городе.

Я помогла Кире внести девочку в комнату и развернула одеяло. Леночка была так мала и худа, что выглядела не годовалым — где уж там! — а пятимесячным, да к тому же ещё слабеньким ребёнком. Попробовали её посадить, ничего не вышло. Леночка даже не могла держать головку.

Вечером я снова зашла к Кире. В комнате было тепло. Топилась печка-временка, и на ней грелось ведро с водой. Кира разрезала на куски большую простыню.

— Делаю пелёнки, чтобы завернуть Леночку после купанья,— сообщила она.

— Где же ты воду брала? Неужели таскала из Ковенского переулка? — спросила я. В Ковенском переулке во дворе каким-то чудом текла из крана вода.

Кирюшка усмехнулась:

— Да разве оттуда натаскаешься? Собрала снегу и растопила. У нас во дворе снежок беленький! Даже голубой.

Мы вместе купали Леночку. Она с наслаждением вытягивала в воде ручки и ножки и даже пыталась улыбаться. А потом Кира кормила её с ложечки манной кашей и поила тёплым чаем.

— Хорошо, что круги у нас чуточку сбереглось,— радовалась Кира.

Когда девочка уснула, я сказала:

— Надо отдать Леночку в ясли: ты ведь одна всё равно с ней не справишься. К тому же в яслях у ребят есть соевое молоко и рис.

Кира задумалась.

— Нет,— ответила она твёрдо.— В яслях всего две няни, а ребят много. А я буду всё время с Леночкой. Да и мама теперь станет посвободней: в госпитале прибавилось врачей. А молока соевого и рису я достану. Пойду в ясли и попрошу. И никто не откажет.

Верно, никто не отказал. И на другой день у Леночки появились все продукты, которые полагались в то время маленьким осаждённым ленинградцам.

...Врачей в госпитале, может, и прибавилось, но раненых тоже стало больше, и Кирина мама была занята по-прежнему. Кире приходилось нянчить Леночку одной.

Вскоре мне стало не под силу ходить ежедневно пешком на Выборгскую сторону, и я совсем поселилась на заводе: перешла, как тогда говорили, на казарменное положение. Дома я почти не бывала и Киру не видела.

А в Ленинград тем временем медленно, но уверенно шла весна, и жить становилось легче. В город привезли продукты и огородные семена; оттаял водопровод; заторелось, сначала слабо, потом ярче, электричество; заработали бани, и, как

в детском стихотворении, «звнящий, гремлящий, совсем на-стоящий» пошёл ленинградский трамвай.

В общем, назло озверевшим фашистам, город-герой не только не покорился врагам, но упорно налаживал свою жизнь.

Я очень соскучилась по Кирюшке и однажды весенним солнечным днём отправилась её проводить. На душе было тревожно: я не видела Киру больше месяца, а за этот срок в осаждённом городе чего только не могло произойти.

Но, к счастью, ничего дурного не случилось.

Подходя к дому, я ещё издали увидела Кирюшку. Она сидела возле нашего парадного и держала на руках Леночку.

— Гуляем!— весело сообщила мне Кира и добавила гордо:— Смотрите, Леночка уже сидит.

В самом деле, одетая в тёплую кофточку и капор Леночка сидела у Киры на коленях.

— Вот видите! Совсем поправилась Леночка,— ликовала Кира.— А вы говорили: «Не справишься, в ясли её отдай». Ведь говорили, верно?

Я молча обняла Киру.

ОСКОЛОК

Всегда они жили дружно и вдруг поссорились. Поссорились без всякого серьёзного повода, из-за ерунды. Таня споткнулась в коридоре об Валькины санки и уронила охапку дров. Дрова рассыпались со стуком и грохотом. Валька про-снулся и заревел. Из комнаты выскочила Зоя Петровна и за-кричала на Таню:

— Ты что, с ума сошла? Ребёнок всю ночь не спал, а ты грохочешь как ненормальная!

Таня сначала растерялась, а потом ответила резко:

— А зачем санки посреди коридора бросили? Я не кош-ка, впотьмах не вижу! — Собрала поленья и ушла в комнату, сильно хлопнув дверью.

С этого дня они перестали разговаривать.

Маме Таня ничего не сказала. У мамы и в госпитале огор-чений хватает, зачем посвящать её в мелкие домашние не-приятности. Зоя Петровна тоже не стала жаловаться, она очень уставала, и ей было не до того.

Зоя Петровна работала на заводе кассиром. До войны она выдавала рабочим только заработную плату, а теперь ещё хлебные и продуктовые карточки. Раньше она ездила на завод трамваем, а теперь ей приходилось ходить пешком.

Рано утром Зоя Петровна отвозила своего четырёхлетнего сына Вальку в детский сад и шла на завод. Вечером, возвращаясь с завода, она забирала Вальку домой. Оба отца, и Танин и Валькин, работали на том же заводе и жили там на казарменном положении, как и многие ленинградцы этой зимой. Ведь силы надо было беречь для работы и нельзя было их расходовать на дальнюю дорогу. Дома оставались три женщины и только один мужчина — большеглазый и белобрысый четырёхлетний Валька.

— Танюша, — говорила мама, — мы с тобой уже большие, и нам легче, чем Зоечке. Ты ей помогай.

И Таня получала соседке хлеб, мыла посуду, развлекала

Вальку и заботилась о нём, если он почему-либо оставался дома.

И вот, вместо доброго слова на неё накричали ни за что ни про что! Правда, она тоже ответила очень грубо, но просить прощения и первая идти мириться всё равно не станет. Хлеб получать она им, так и быть, будет, но в комнату заходить и не подумает. Положит на столе в кухне, и ладно.

Но думать так было гораздо легче, чем выдержать характер. Через два дня Таня так сильно соскучилась по Вальке, что просто не находила себе места. Ведь этого мальчишку она знала чуть не с первого дня его рождения. Нянчила его, помогала купать и играла с ним. Когда Валентин Иванович, так называл его отец, отбывал с детским садом на дачу, Таня ездила его навещать. Она сберегала деньги от завтраков и покупала Вальке леденцовых петушков на палочках и другие любимые им гостинцы.

* * *

Несколько дней Валька не был дома. Стояли сильные морозы, и Зоя Петровна оставляла его ночевать в детском саду. Но прошла неделя, и он появился снова.

Утром Таня слышала, как Зоя Петровна говорила маме, что у Вальки сильный насморк и она боится вести его по морозу.

— Я схожу на работу, отпрошусь дня на три и посижу с ним дома,— сказала она и вместе с Таниной мамой вышла из дому.

Таня сидела у себя в комнате и пыталась читать книжку, но не могла. Она думала о том, что рядом, за стеной, в запертой на ключ комнате томится одинокий, простуженный Валька. А ведь он мог бы сейчас сидеть вместе с нею, и она показывала бы ему картинки или вырезала из бумаги разные фигурки. И ключи ведь от их дверей одинаковые. Нет, ни за что на свете Таня не откроет своим ключом комнату Зои Петровны и не войдёт туда! Ни за что! Но поговорить с Валькой через запертую дверь она может. Таня вышла в коридор, пошла к двери и тихонько окликнула:

— Валька!

— Таня! — обрадовался он. — Таня, иди ко мне!

— Валька, что ты делаешь? — спросила Таня.

— Скучаю, — хриплым от простуды голосом проговорил Валька. — Таня, почему ты к нам не приходишь?

— Мне некогда. Ты будь умником, возьми цветные карандаши и нарисуй котика или собачку.

— Я лучше бемегота нарисую и крокодила, — гудел за дверью Валька.

— Ладно. Только не бемегота, а бегемота. Ты рисуй, а я тебе вырежу два танка. Такие, как шли мимо нас на фронт. Помнишь?

— Помню. А как ты мне их дашь? Мама заперла дверь на ключ, чтобы я не бегал в холодную кухню.

— А я их под дверь подсуну, — пообещала Таня и отправилась в свою комнату.

Но не успела она взять тетрадку для рисования и сесть за стол, как за окном послышался знакомый свистящий звук. И репродуктор тотчас же объявил: «Артиллерийский обстрел района!» Снаряд пронёсся над крышей соседнего дома, взвихрил снег и разорвался, видно, неподалёку, потому что грохот был очень сильный.

Таня надела пальто. Немедленно в убежище! А Валька? Разве может она его оставить?! Сейчас не время думать, чьим ключом она отпёрёт их комнату...

Валька стоял у порога, наверное ждал танки. У него были красные от простуды глаза и из носа текли ручейки. Но вытирать их сейчас не было времени. Таня нахлобучила на него шапку, надела кое-как шубку, закутала ему ноги одеялом и, взяв на руки, побежала.

Снаряды с отвратительным воем проносились один за другим над их домом и разрывались где-то совсем рядом. Но Таня и Валька были уже в убежище, куда ни один снаряд не мог попасть — так глубоко оно находилось и такие крепкие были у него стены. А главное, рядом были друзья и знакомые ребята, а с друзьями всегда не так страшно, как одним в пустой квартире.

Валька, счастливый, что снова сидит вместе с Таней, кротко терпел, пока она вытирала ему нос, застёгивала тугие крюч-

ки у шубки и надевала варежки на маленькие озябшие ручки.

Артиллерийский обстрел продолжался минут двадцать. Когда на улице стало совсем тихо, в убежище заглянула комендант Полина Ивановна и сказала, что можно идти домой.

Уже стемнело. Таня не спеша поднялась с Валькой по лестнице и довела его до комнаты. Но, услышав стук парадной двери, убежала. Встречаться с Зоей Петровной она не хотела, но из коридора слышала всё, что у них делается.

Зоя Петровна опрометью пробежала по коридору, вбежала в свою комнату и, увидев Вальку, громко разрыдалась. Валька подошёл к ней и, ухватив за пальто, бормотал:

— Мам... Мы с Таней в убежище были... Я видел Любочку... Мам... Ты слушаешь?

Зоя Петровна молча, тяжело вздрагивая от плача, ощупывала его голову, плечи, руки... Потом, убедившись, что Валька цел, вышла из комнаты.

В коридоре было темно, но Зоя Петровна нашла Таню, обняла её и крепко прижала Танину голову к своей груди.

— Танюшка, родная моя...— говорила она, всхлипывая и не вытирая бегущих из глаз слёз.

— Тётя Зоя, не надо... выпейте лучше воды,— убеждала её Таня. И принесла стакан холодной воды.

Зоя Петровна маленькими глотками пила воду и плакала уже тише. Таня помогла ей размотать платок и снять пальто. Они вошли в комнату.

Валька возился на коврик со своими игрушками.

Зоя Петровна взяла Таню за руку и подвела к окну. В стекле зияла большая дыра, а вокруг неё расходились лучами трещины.

— Я ведь эту дыру ещё на улице увидела,— сказала Зоя Петровна снова дрогнувшим голосом.— Вспомнила, что заперла Вальку на ключ, и подумала...— Она нагнулась и подняла с пола довольно тяжёлый металлический осколок.

Таня сказала:

— Не надо, не надо больше об этом! Мало ли что было... Осколок этот я сейчас выброшу. И давайте поскорее заклеим окно, от него очень дует, а у Вальки и так насморк.

ПЕРВАЯ РАДОСТЬ

До войны Галя жила так же, как и все ленинградские девочки. Утром училась в школе, после обеда танцевала в балетной студии Дворца пионеров или бегала на коньках. Вечером готовила уроки. По воскресеньям со своим пионерским отрядом ходила в детский театр, музеи или в кино.

Время летело быстро, и каждый новый день был интересным и радостным.

Но началась война, и всё хорошее и радостное стало только воспоминанием. Плохие вести передавало радио: враги захватывали наши города и сёла и шли вперёд, угрожая Москве и Ленинграду. Осенью фашисты подошли к Ленинграду вплотную, окружили его кольцом. По ночам над городом выли вражеские бомбардировщики, днём фашисты обстреливали дома и улицы из тяжёлых орудий. Но надо было жить, работать и защищать от врагов родной город.

И ленинградцы продолжали трудиться так же, как и раньше. Правда, дети не ходили в этом году в школу: все школы были заняты эвакуированными. В классах и физических кабинетах, в физкультурном зале и даже в коридорах жили беженцы. Они пришли в Ленинград из Гатчины, Пушкина, Колпина, Кингисеппа и других городов и посёлков Ленинградской области. Они пришли в Ленинград потому, что знали: город, в котором родилась Октябрьская революция, в котором жил и работал Ленин, никогда не отдадут врагам. Не только армия, но и все питерские рабочие грудью будут защищать его от фашистов.

С наступлением войны в жизни у Гали многое изменилось. Ушёл добровольцем на фронт папа. Мама по-прежнему работала закройщицей на швейной фабрике, но теперь там уже не шили красивых шёлковых блузок, нарядных платьев и детских костюмчиков. Теперь на маминой фабрике шили тёплые солдатские рубашки, гимнастёрки, ватные брюки и фуфайки. Тёплого белья и одежды надо было сейчас для фронта очень много, и работницам приходилось трудиться с утра до ночи. Мама возвращалась домой усталая, и домашними делами занималась Галя.

Хозяйство у них было маленькое, и даже Галя могла бы управиться с ним очень быстро, если бы не пакостили фашисты. А то получалось так: только соберётся Галя в магазин, как по радио сообщают: «Артиллерийский обстрел района». И приходится вместо магазина бежать в убежище.

А вечером ещё хуже. К приходу мамы надо было истопить печку и сварить суп. Казалось бы, что же тут трудного? Но стоило Гале разжечь огонь, как тотчас же начинала выть сирена и противный репродуктор орал: «Воздушная тревога! Воздушная тревога!»

Какой уж тут суп! Галя поспешно гасила огонь и под грохот зениток и отвратительное вытьё фашистских бомбовозов мчалась по лестнице вниз.

Бегать в убежище надоедало до слёз. Галя самую отчаянную бомбёжку согласна была терпеть в своей комнате. Могла бы в конце концов укрыться с головой одеялом. Но мама каждое утро, уходя на работу, говорила: «Галочка, если ты хочешь, чтобы я работала спокойно, береги себя, спускайся в убежище!» И папа тоже писал в письмах: «Галочка, если ты хочешь, чтобы я воевал спокойно...» и дальше то же самое, что говорила мама. Не желая обманывать и огорчать папу и маму, Галя по несколько раз в день пересчитывала ступеньки с третьего этажа до подвального. А для человека, замученного бессонными ночами и истощённого голодовкой, это был труд нелёгкий.

Пришла зима. Начались сильные морозы, и воздушные налёты прекратились. Но и хозяйство Галино стало ещё меньше. Ходить в магазин теперь не надо было, потому что вот уже две недели, как по карточкам ничего, кроме хлеба, не выдавали. Варить суп тоже не приходилось: не было ни крупы, ни масла.

Зато свободного времени у Гали стало теперь очень много, она перечитывала свои книжки и даже играла в куклы. Вечером, когда приходила мама, они пили чай, укладывали в постель два горячих утюга, забирались под одно одеяло и, лёжа рядом, долго разговаривали. Мама рассказывала о том, сколько тёплых фуфаек сшили они сегодня. И Галя радовалась, если фуфаек было много. Она считала, что чем теплее

будет на фронте бойцам, тем лучше смогут они бить фашистов. Потом Галя рассказывала маме свои новости. Сегодня в восьмой квартире они установили пионерский пост. Это значит, что Таня, Вова, Серёжка и она будут по очереди смотреть за Катюшей и Славиком и вообще помогать их маме. Ведь с двумя детьми сейчас тяжело...

Иногда, если долго не спалось, Галя и мама начинали мечтать. О чём только не мечтали ленинградцы студёными долгими ночами первой блокадной зимы, когда окна были покрыты ледяными узорами, деревья трещали от мороза и вражеские бомбовозы с застывшим горючим стояли на своих аэродромах.

Мечтали о том, как разобьют наши бойцы кольцо блокады, прогонят врагов от Ленинграда и родной город снова станет свободным и счастливым. Снова засияют его широкие, просторные улицы и польётся из репродукторов вместо воя сирены весёлая музыка.

Мечтали о том, как снимут доски и мешки с песком с памятников и мраморных статуй, как солнце горячим светом зальёт чугунные ограды садов, а весной зацветут опять душистый табак, маттиола и левкои.

Но проходила ночь, наступал новый день — суровый, голодный и холодный. Надо было бороться, жить и работать.

* * *

Солнечным, но сильно морозным декабрьским днём к Гале постучал «главный советчик», так называли в доме Вовку, и сказал, что в соседний магазин, кажется, что-то привезут и не мешало бы туда наведаться.

Галя надела тёплую кофту, сверху лыжный костюм и меховую шубку. Голову поверх шапки повязала клетчатой шалью и, с трудом поворачиваясь и едва шевеля руками, вышла на улицу.

У магазина она увидела очередь. Стояли почти одни женщины. Многие из них Галя знала: они жили в том же доме, где и она.

Галя заняла очередь за молодой работницей Клавдией.

Клавдия до войны считалась самой красивой девушкой не только в их доме, но и на всей улице. И она замечательно пела. Она выступала на всех вечерах самодеятельности в заводском клубе, и никому так много не хлопали, как ей. Осенью Клавдия собиралась поступать в консерваторию. Но война всё перепутала. Сейчас Клавдия так похудела и подурнела, что трудно было её узнать. Она побледнела, осунулась, и синие большие глаза её стали тусклыми и как будто пустыми. И петь она, конечно, совсем перестала. «Пропал голос», — сказала она, когда однажды женщины попросили её спеть. Но работала она так же добросовестно, как и раньше, и перевыполняла норму.

На улицу вышел заведующий и сказал, что рано утром поехали на базу, но что привезут — неизвестно, у них ведь нет теперь телефона. Он посоветовал людям зайти в магазин погреться. Но никто не захотел. В нетопленном помещении было так же зябко да к тому же ещё и темно: ведь окна заколочены досками. А на дворе хоть и декабрьское, но светило солнышко, искрился снег и было как будто веселей.

Галя, засунув руки в рукава, а подбородок в пальто, поглядывала на большой чёрный репродуктор, висевший над магазинной дверью, и думала о том, что, если он не закричит, не объявит «обстрел района», может, и в самом деле удастся получить немного крупы или мяса и сварить к маминому приходу вкусный, горячий суп.

Подошёл Вовка и посоветовал Гале растереть варежкой нос и потопать ногами.

Обернувшись Клавдия, завязала Гале потуже платок и спросила, есть ли письма от папы.

Женщины тихо переговаривались, переступая с ноги на ногу. Похрустывал снег.

И вдруг заскрипел репродуктор. От огорчения Галя даже зажмурила глаза. А репродуктор очень громко, так, что слышно было, наверное, на всю улицу, сообщил: «От Советского информбюро!» Это было не время для передачи фронтовой сводки, и поэтому все стоявшие в очереди заволновались и повернулись к репродуктору лицом.

А диктор громким и радостным голосом уже говорил

о том, что под Москвой одержана большая победа, что враг на этом фронте разбит и отступает, неся большие потери.

Как зачарованные, не шевелясь и не дыша, стояли ленинградки, ловя каждое драгоценное слово. И Галя была между ними.

Как жаль, что здесь нет мамы, что они так далеко друг от друга и не могут радоваться сейчас вместе, думала она.

Репродуктор сообщил радостную новость и снова умолк. К Гале подошёл Вовка, тронул её за рукав, хотел что-то сказать, но от волнения не смог. Только пошевелил губами и выпустил клубок белого пара, сейчас же растаявший в воздухе.

Прошло всего несколько секунд, как затих репродуктор, женщины ещё не успели пережить радостную весть, и вдруг от очереди отделилась Клавдия и вышла на середину тротуара. Остановившись, вынула руки из карманов баранье-

го полушубка, подняла голову и запела. Таким звонким, таким красивым и чистым голосом запела она, как пела раньше на праздниках в залитом электрическим светом зале заводского клуба. Но песня была другая, не похожая на те песни, которые пела Клавдия раньше. Это была суровая и грозная песня о войне:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой!

Несколько женщин, сначала тихо, потом смелей, подхватили слова песни и запели припев вместе с Клавдией:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идёт война народная,
Священная война...

Галя не могла петь вместе со всеми, у неё не хватало сил. Она стояла, прислонившись к стене, смотрела на Клавдию и думала: «Нет, она всё равно красивая! Хоть и похудела и осунулась, а глаза всё равно синие и блестят, как звёзды!»

Песня кончилась, и пошли разговоры о том, что теперь миновала опасность для Москвы... Что это первая большая победа, а за нею будут другие... Что армия наша перешла в наступление.

Снова вышел заведующий, остановился у двери и сказал, что сегодня им на базе продуктов не выдали, но завтра обещали выдать непременно. У заведующего был смущённый и виноватый вид. Он, видно, думал, что женщины нападут на него и станут его бранить, зачем он зря продержал их на морозе, зачем напрасно их обнадеживал.

Но никто бранить его не стал. Одна — только развела руками. Другая вздохнула. Кто-то крикнул: «Что охать-то! Не его это вина!»

А Клавдия подошла к заведующему и сказала:

— До завтра! Нынче мы нашей радостью сыты, а уж завтра ты постарайся!

И все пошли по домам. Одних ждали дети, других — работа. Клавдии нынче надо было в ночную смену. Вовка пошёл к Славику с Катюшей: сегодня его очередь смотреть за ними. А Галя спешила домой топить печку. И поджидать маму, чтобы вечером с нею вместе радоваться этой первой радости.

РАЗГОВОР О ПУШКИНЕ

Впереди оставалось всего несколько человек, но Серёжа так сильно озяб, что готов был всё бросить и уйти. В это время стоявший уже у самого крана молодой солдат вышел из очереди, подошёл к Серёже и сказал:

— Становись на моё место и бери воду. Живо!

Ледяная струя ударилась о дно Серёжиного бидона. Через минуту Серёжа поставил бидон на санки и повёз по улице.

У своего парадного он остановился передохнуть. Сунул в рот окоченевшие пальцы и подул на них, стараясь хоть немного согреть.

Кто-то положил ему руку на плечо. Серёжа обернулся и увидел того же самого солдата. Солдат поставил своё ведро на тротуар и сказал:

Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз...

Кто это написал, знаешь? — спросил он Серёжу.

Тот молчал. Ему было странно и даже обидно, что в такой страшный холод, когда от боли сводит руки и ноги, можно читать стихи да ещё спрашивать, кем они написаны.

— Это Пушкин сочинил. Про петербургскую зиму, — сказал солдат.

— Пушкину хорошо было сочинять, ведь тогда в Петербурге блокады не было, — непослушными от мороза губами

сердито пробормотал Серёжа. Из глаз его выкатились две колючие, едкие слезинки, поползли по щекам и замёрзли.

Солдат подхватил ведро и Серёжин бидон.

— Тебе на какой этаж?— спросил он и, не дожидаясь ответа, бегом пустился по лестнице.

Серёжа, громыхая санками, едва поспевал за ним.

В комнате солдат скинул свой бараний полушубок, усадил Серёжу на стул и, стащив с него валенки, стал растирать ему ноги.

Чем теплей становились ноги, тем веселей делался Серёжа и внимательней разглядывал своего гостя.

Это был ещё совсем молодой солдат с румяным лицом, серыми весёлыми глазами и светлыми, словно выгоревшими на солнце, бровями. В полушубке он выглядел толстым и неуклюжим, а сейчас, в одной гимнастёрке, оказался худым и подвижным, как мальчишка.

— Горят ноги?— спросил он Серёжу.

— Горят.

— Мать на работе?..

— Ага...

— И сестрёнка моя — тоже. Надо нам к их приходу обед состряпать.

— А ваша сестра где живёт? — поинтересовался Серёжа.

— Да в этом же доме. Этажом выше. Может, ты с нею знаком? Её Клавой зовут.

— Тётя Клава? — обрадовался Серёжа. — Так она же вместе с мамой работает, в одном цеху... Значит, вы её брат?

— Родной и единственный, — ответил солдат и вышел из комнаты.

Вернулся он очень скоро с мешком и стал его развязывать, приговаривая:

— Вот, получил сухим пайком: суп — гороховое пюре — раз, копчёное сало — два, сахар и хлеб — три. Сейчас затоплю печурку, а ты поставь на конфорку кастрюлю с водой, а сюда — сковороду.

Печка-временка скоро запела, затрещала. Сбрызнув ве-
ник, Серёжа тщательно подметал пол: ему хотелось, чтобы солдату было уютно и хорошо у них в гостях.

Солдат сидел на полу, подкидывал в печурку маленькие сосновые чурочки и, помешивая жарившееся на сковороде сало, говорил:

— Ты вот сказал, что Пушкину было хорошо, потому что блокады тогда не было. Да разве блокада навек? И страдать нам совсем недолго осталось. Со всех сторон нашей земли собрались вокруг Ленинграда солдаты, чтобы защищать его от фашистов. Разобьют скоро их, прогонят вон, и заживём мы, как и раньше жили: тепло, светло, радостно... — Солдат помолчал немного, потом заговорил снова: — А Пушкин всю жизнь свою мучился: в изгнании был, в ссылке жил, друзей самых близких своих потерял и погиб молодым... На дуэли его царские холоуи убили. А какие стихи писал! Как город этот любил Александр Сергеевич!

— Я тоже люблю Ленинград! — сказал Серёжа.

— Я знаю, — кивнул солдат. — Да разве можно его не любить? Иду я от Финляндского вокзала и думаю: ведь здесь Ленин выступал. А вот там, в Академии художеств, Тарас

Шевченко учился. А по Невской набережной Пушкин сколько раз проходил...

— А вы ленинградец?— спросил Серёжа.

— Нет. Я издалека, из Сибири. Воюю под Ленинградом, а в Ленинграде в первый раз. Меня начальник по делу послал и сказал: «Выполнишь задание и до двадцати трёх ноль-ноль будешь свободен»... Закипела вода, сейчас горох кинем.

Солдат покрошил в кипяток две пачки горохового концентрата, бросил туда зарумянившееся сало, порезал аккуратными ломтиками хлеб и уложил его на сковороду.

— Обед готов. Тащи посудину, да побольше,— приказал он Серёже.

— Может, подождём маму и тётю Клаву?— нерешительно заикнулся Серёжа.

— Я их подожду, а ты с ними в другой раз пообедаешь. Э, нет, тарелка нам ни к чему...

Он раскрыл буфет, разыскал в нём глубокую миску и до самых краёв наполнил её жёлтым, густым, горячим, как огонь, супом.

— С хлебом рубай,— велел он Серёже и водрузил сковороду на стол.— Ешь, не скупись, теперь уже голодать больше не будете.

— Почему?

— А потому. Про Дорогу жизни слыхал?

— Мама что-то мне говорила. А вы её, эту дорогу, видели?

— Ну ещё бы!

— Большая она?

— Конца-краю не видно. Через всё Ладожское озеро тянется.

— А почему её называют «Дорога жизни»?

— Потому что по ней везут ленинградцам жизнь. Хлеб и другие продукты везут по этой дороге машины, нагруженные до самого верха.

— Да, а кругом Ладожского озера фашисты. Они могут машины с самолётов разбомбить, из пушек расстрелять,— сказал Серёжа.

— Немцы рядом, и они не зевают,— согласился солдат.—

Но Дорогу жизни охраняют самые лучшие наши пилоты. А против пушек немецких есть у нас русские пушки. И стрелять из них мы умеем.

— А если метель закрутит? Если будут заносы и машины вдруг забуксуют и снегом их заметёт?— не унимался Серёжа.

— Вот дотошный,— усмехнулся солдат.— Одни забуксуют, другие помогут. Там теперь знаешь какая дружба! Все силы свои, все мысли обратили люди на то, чтоб помочь ленинградцам. А ты сомневаешься.

— Не сомневаюсь я, а просто хочу всё знать. Ребятам-то рассказать надо. А ведь правда, если бы Пушкин был жив, он бы о Дороге жизни и о людях наших стихи написал, а может, поэму? И назвал бы её «Ленинград».

— Конечно, написал бы,— согласился солдат.— И наши советские писатели тоже напишут. Не сейчас, может, но через год-другой непременно напишут и стихи, и поэмы, и толстые книги... Супу добавить? Наелся? Тогда, может, чаю налить?

— Нет уж, чай пить я маму и тётю Клавю дождусь,— твёрдо сказал Серёжа.

Но дожждаться мамы и Клавдии ему не удалось. Разморённый горячим, сытным обедом, он крепко уснул, свернувшись калачиком под солдатской бараньей шубой. Ничего, что шуба эта пахла войной, фронтом, окопами и даже порохом: спалось под нею Серёже спокойно и сладко.

Не видел Серёжа, как выходил солдат встречать сестру и Серёжину маму, как угощал их обедом и поил чаем.

Не видел он, как обнимала Клавдия брата, смотрела его первый боевой орден и шептала ему:

— Братишка, родной, береги себя,меньшенький мой!

И не слышал, как отвечал ей солдат насмешливо и добродушно:

— Не переживай, Клава. Как только он забомбит или застреляет, я сразу и притаюсь. Пусть, значит, другие ребята бьются за твой город и за тебя...

Говорил, а сам еле удерживался, чтобы не рассмеяться,— боялся разбудить Серёжу.

И всё-таки разбудил, когда наклонился с ним попрощаться и, не разобрав впотьмах, где Серёжины губы, чмокнул его

в нос. Серёжа проснулся, обхватил за шею своего нового друга и прижался щекой к его колючему стриженному затылку.

С тех пор как ушёл воевать отец, никого не обнимал Серёжа с такой любовью, как этого молодого сибирского солдата, приехавшего за тысячи километров защищать от врагов город Ленина, город Пушкина и Шевченко и его, Серёжин, родной и любимый город.

ПИСЬМО

Кто-то постучал, и Галя отворила дверь. На площадке стоял их старый знакомый почтальон и протягивал письмо.

— От папы!—воскликнула Галя и крепко сжала в руке маленький бумажный треугольник. Да, это было письмо с фронта, письмо от папы.

Больше двух месяцев не получали они с мамой от него ни строчки; волновались, не спали по ночам и плакали тайком друг от друга. А сейчас Галя держала в руке самое настоящее, самое драгоценное на свете папино письмо и смеялась от радости.

Через минуту она уже знала, что папа жив и здоров и послал им в этом месяце четыре письма. Что от них он тоже давно не имеет вестей и день и ночь думает о том, как живут они в осаждённом Ленинграде.

Галя аккуратно разгладила письмо и прочла его ещё раз. Потом она поцеловала исписанный папиной рукой листок, сложила его, спрятала на груди, посмотрела на часы. До маминого возвращения оставалось ещё очень много времени. Неужели всё это время мама не будет знать, что от папы пришло письмо?

«Пойду к маме на работу»,— решила Галя.

Мамина фабрика была далеко, трамваи ещё не начали ходить, и Галя знала, что ей придётся идти пешком. Но это её не пугало. Сегодня она чувствовала себя гораздо бодрее, чем все последние дни. Она представляла себе, как обрадуется мама, увидев письмо, и ей становилось так весело, что хотелось петь и даже плясать.

Во дворе она встретила Вовку. Верный друг Вовка вызвался проводить Галю. Они вышли из своего двора и направились к Невскому проспекту. Долго шли молча и с тоской и обидой глядели вокруг.

Как сильно изменился город за эту длинную и страшную блокадную зиму! Разбитые и обгорелые дома, выбитые стёкла, чёрные отверстия от попавших снарядов, воронки на мостовых.

Вот большое красивое здание. До войны это была школа. Сейчас здесь разместился госпиталь. Сюда привозили с фронта контуженых и раненых бойцов. И на этот дом, где лежали больные, беспомощные люди, фашисты тоже сбросили бомбу и разрушили его правое крыло.

На Невском проспекте все витрины забиты досками, и в магазинах темно, как ночью на улицах. На Аничковом мосту, что лежит через речку Фонтанку у самого Дворца пионеров, не видно знаменитых коней и их укротителей. Эти статуи зарыты глубоко в землю, чтобы в них не попала фашистская бомба или снаряд.

И красивый Аничков мост выглядит пустым и скучным, словно кто-то его обокрал.

Но до реки Фонтанки Галя и Вова не дошли, они свернули гораздо раньше и вышли на Владимирский проспект. Не успели они пройти и двух кварталов, как завывала сирена. Вовка сказал:

— Может, не будем прятаться?

Галя махнула рукой:

— Конечно, не стоит. Да ведь я маме слово дала... честное пионерское...

И они вошли в ворота большого дома. На стене была нарисована стрелка и под ней надпись: «В убежище!» В этом убежище они просидели около часа, и Галя успела ещё два раза прочитать папино письмо. Сначала тихонько, про себя, а потом вслух, для Вовки. Вовка слушал, нахмутив брови, а потом сказал:

— Очень тихо они воют. Если бы я был на фронте, я бы воевал не так.

— А как?— спросила Галя.

— Я бы день и ночь бил фашистов. Я бы ни одной минуты покоя им не дал. Вот как!

— И я бы тоже...— вздохнула Галя.— Пошли. Отбой.

Они опять шли по улице и по-прежнему не могли оторвать глаз от искалеченных и разбитых домов. На этом вот углу совсем ещё недавно стоял небольшой двухэтажный дом. Фугасная бомба попала в соседнее высокое здание, а маленький домик снесло волной, и он превратился в груды кирпичей, железа и деревянных обломков. А напротив, у жёлтого кирпичного дома, как ножом, срезан весь фасад.

— Смотри,— говорит Галя Вовке,— ведь разбиты не военные объекты, а самые обыкновенные жилые дома. И в новом районе так же: в госпиталь попал, в детскую консультацию, в булочную и в керосиновую лавку... Господи, как я их ненавижу!

— А они легки на помине. Слышишь?— замедлив шаги, спросил Вовка.

Но услышать было трудно. Снаряд с воем пролетел над их головами и разорвался где-то в стороне Литейного моста.

Дети бегом бросились в ближайшее парадное. Там тоже было написано, что убежище во дворе направо, но в убежище они не пошли. Вовка успокоил Галя, что в их парадное снаряд залететь не может.

— И всё-таки страшно,— вздохнув, сказала Галя.— Никак не пойму тех людей, которые ничего не боятся. А я и бомбёжки, и обстрела — всего боюсь.

— Так, может, вернёшься домой? А я сам схожу,— предложил Вовка.

— Что ты! Я буду прятаться, а ты пойдёшь один?— возмутилась Галя.— Я потерплю. Мне страшно, но не особенно. А главное, я хочу видеть, как обрадуется мама.

Стрельба наконец прекратилась. Вовка выглянул за дверь и сказал:

— Пошли, пока тихо.

Вскоре они подошли к перекрёстку, так не похожему на другие перекрёстки, потому что здесь было не четыре угла, как обычно, а пять. Пять улиц лучами сходились к одной точке, и трамвайная остановка называлась тут «Пять углов».

— У тебя ноги не мокрые?— заботливо осведомился Вовка.

— Нет. Только болят немножко.

— Немножко — это ничего. У моей мамы так болят, что ей даже по комнате пройти трудно. Я хочу, чтобы её посмотрел доктор.

— А доктора сейчас сами все больные,— сказала Галя.— Да и не знают они, наверное, как надо сейчас лечить, ведь раньше блокады не было.

— Как — не было? А в Риме, когда его гуси спасли, помнишь?

Галя знала об этом. Но она только усмехнулась:

— Да разве это была блокада? С самолётов тогда не стреляли, из тяжёлых орудий не били...

— Не били,— согласился Вовка.

А потом они о блокаде уже больше не вспоминали и всю остальную дорогу разговаривали об интересных книжках. Галя любила читать исторические книжки и о жизни замечательных людей. Ей нравился «Чапаев», «Как закалялась сталь»,

«Спартак». А Вовке больше всего нравились приключенческие повести и книги о путешествиях. Он недавно прочёл «Таинственный остров» Жюль Верна и сейчас рассказывал Гале содержание книги.

Так, незаметно, и добрались они до фабрики. На часах возле проходной было без десяти минут пять. Значит, мама уже кончает работать и разыскивать её в конторе или в цеху нет никакого смысла. Галя и Вовка решили подождать у проходной.

Скоро мама вышла. Увидев ребят, она остановилась и закрыла рукой глаза: верно, подумала, что случилось что-нибудь ужасное, и от волнения у неё закружилась голова.

Галя подбежала, обняла маму и вложила ей в руку письмо.

— От папы. Он жив и здоров!— сказала она.

И мама развернула письмо и стала читать, с трудом разбирая слова, потому что на глаза всё время набегали слёзы. Но это было от радости, и Галя не мешала ей плакать.

У ворот стояла машина, гружённая солдатскими ватными фуфайками. Шофёр Катерина Васильевна приоткрыла дверцу и крикнула маме:

— Мне с вами по дороге, садитесь, я вас подвезу!

Галя и Вовка страшно обрадовались. Во-первых, потому, что каждому человеку приятно проехать на машине. А во-вторых, они так здорово устали за эту долгую и трудную дорогу; что сейчас у них, в полном смысле этого слова, подкашивались ноги. Катерина Васильевна помогла им забраться в кузов и устроиться на ватниках. А мама села в кабину.

Ехать было отлично. Где-то далеко, должно быть за островами, сиделось прохладное мартовское солнце. Вовка рассказывал Гале уже о новой книге — «Путешествие вокруг света на «Коршуне». А мама в кабине, наверное, в десятый раз перечитывала папино письмо.

ХЛЕБНЫЕ КРОШКИ

В магазине было холодно и очень темно, только на прилавке у продавщицы мигала копилка. Продавщица отпускала хлеб.

У прилавка с одной стороны тянулась очередь. Люди подходили, протягивали карточки и получали кусочек хлеба, маленький, но тяжёлый и влажный, потому что муки в нём было совсем мало, а больше воды и хлопкового жмыха, который ленинградцы называли «дурандой».

А у другой стороны прилавка кучкой столпились дети. Даже при слабом свете коптилки было видно, какие у них худые, измождённые лица. Шубки не облегали ребят, а висели на них, как на палочках. Головы их поверх шапок были закутаны тёплыми платками и шарфами. Ноги — в бурках и валенках, и только на руках не было варежек: руки были заняты делом.

Как только у продавщицы, разрезавшей буханку, падала на прилавок хлебная крошка, чей-нибудь тоненький озябший палец торопливо, но деликатно скользил по прилавку, поддевал крошку и бережно нёс её в рот.

Два пальца на прилавке не встречались: ребята соблюдали очередь.

Продавщица не бранилась, не покрикивала на детей, не говорила: «Не мешайте работать! Уйдите!» Она молча дела-

ла своё дело: отпускала людям их блокадный паёк. Люди брали хлеб и отходили.

А кучка ленинградских ребят тихо стояла у другой стороны прилавка, и каждый терпеливо ждал своей крошки.

ЗА КРАПИВОЙ

Мама сказала Вовке:

— Все едят зелёный борщ. Надо и нам приготовить.

— А где же мы возьмём щавель?—спросил Вовка.

— Зачем непременно щавель? Можно сварить из крапивы,—ответила мама.—Сходи с ребятами в Таврический сад, там молоденькой крапивы теперь целые поляны.

Утром Вовка со своими друзьями отправился в Таврический сад.

До войны они в Таврический сад ходили часто и считали, что он близко, а теперь показалось далеко: пока добрались — устали. Валька пыхтел, как маленький паровозик, и Таня предложила:

— Давайте посидим, отдохнём.

Сели на скамейку и стали вспоминать, как было раньше. Вовка сказал:

— Вот тут были качели, а там карусель кружилась. Помните?

— Ещё бы,—обрадовался Серёжка.—Когда мы с папой сюда приходили, я по пять раз катался.

— По пять!—усмехнулась Кирюшка.—Я и по десять раз прокатилась бы. Под музыку и верхом на лошадке!..

— А мне папа мороженое покупал, и сидро мы пили вон в той будочке,—сказала Таня.

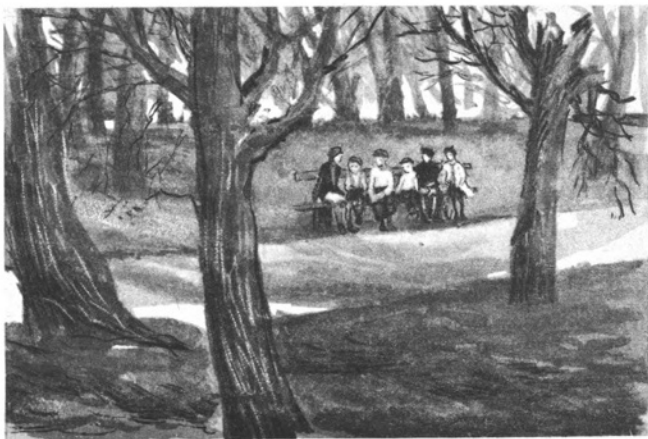
Неподалёку стоял маленький павильончик, насквозь пробитый снарядом.

— А почему теперь нету сидро?—спросил Валька.

— Чего захотел!—засмеялся Вовка.—Ты забыл, как зимой воды не было?

— У нас была вода,—сказал Валька.—Мама на санках привозила. А мороженого почему нету?

— Ох и чудак же ты, Валька!—вздыхнула Галя.—Ужасный

чудак. Мороженое из чего делают? Из молока. А где же ты видел молоко?

— Нигде не видел,— признался Валька.— А ты видела?

— Никто не видел,— сказала Галя.— И хватит тебе, Валька, задавать глупые вопросы. Тебе уже пятый год идёт, пора поумнеть.

— Я поумнею,— пообещал покладистый Валька.

Таня вступилась за своего любимца:

— Ты чего, Галя, от него хочешь? Он же в войну растёт и ничего хорошего не видит. Откуда же ему так быстро уметь?

— Зато про войну он всё знает,— заступился за Вальку Серёжка.— Все сводки слушает. А полетит «ястребок», он его с «юнкерсом» никогда не спутает. И зенитки все по голосу узнаёт. Правда, Валька?

— Ага,— согласился Валька.

До войны в Таврическом саду было много цветов. Теперь цветов не сажали, но земля во многих местах была вскопана. Валька спросил:

— Таня, зачем землю вскопали?

— Огород будут садить,— объяснила Таня.— Редиску, лук, морковь, огурцы... Ты огурчики любишь?

Валька покачал головой. Огурцов он не видел два года и забыл, какие они.

Отдохнули и отправились дальше. Вовкина мама говорила, что крапива растёт ближе к пруду.

На одной лужайке земля была взрыта и покорёжена. Вовка сказал:

— Глядите, ведь это то самое место, где осенью фашистский самолёт грохнулся. Самолёт убрали, а место я всё равно узнал.

Крапиву нашли, как и ожидали, на берегу пруда.

— Ого сколько! Да тут на тыщу борщей хватит,— обрадовался Серёжка и голой рукой схватился за зелёный стебелёк.— Ой! Ой!— завопил он.— Кусается!

— Никогда крапивы не рвал,— сказала Галя.— Её надо под самый корешок брать, а ещё лучше в перчатках.

Перчаток, конечно, ни у кого не было,— кто же носит перчатки в мае месяце? Рвали под корешок и маленько пообожглись, но кощёлки набили доверху. Теперь зелёного борща хватит на несколько дней.

Спешить было некуда, и опять уселись погреться на солнышке. Смотрели, как зеленеет трава, как дружно и весело распускаются деревья.

Пожалели большой, старый клён, словно молнией разбитый бомбой. Ни одного листочка на нём, ни одного живого побега. Не ожить ему, не распуститься, не увидеть новой весны...

А весна — всегда весна, всегда радостна. И на Большой земле и в осаждённом фашистами городе. Счастливы те, кто её дождался, и очень жаль тех, кто её уже никогда не встретит.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ХАРАКТЕР

До войны Наташина мама работала на игрушечной фабрике. Она раскрашивала красивых фарфоровых кукол, завивала их льянные и каштановые локоны и специальной краской расписывала розовые и голубые платица так, что они получались как вышитые.

Но когда началась война, фабрика перестала делать игрушки. Теперь в цехах, где раньше улыбались красавицы куклы, где выдували и раскрашивали стеклянные ёлочные шары и посыпали снежными блёстками белокурых снегурочек и бородастых дедов-морозов, занимались совсем другим делом. Теперь здесь плели маскировочные сетки для военных машин и шили маскировочные халаты бойцам. Шили для них тёплое бельё, ватные брюки и телогрейки и вязали шерстяные носки и варежки. Теперь игрушечная фабрика работала на оборону. Ольга Николаевна умела шить и стала работать на фабрике закройщицей.

Фабрика от их дома была далеко, но до войны это не имело значения, за десять—пятнадцать минут мама доезжала до самой фабричной проходной. Теперь же троллейбусы и трамваи не ходили, потому что в городе не было тока да и мостовые давно замело снегом, который никто не чистил, и маме приходилось ходить пешком.

Каждый день мама вставала ещё затемно, наливала из термоса полную кружку кипятку и выпивала его с маленьким кусочком хлеба, чтобы согреться перед дорогой. Если с вечера оставался суп, мама его не ела. Супу всегда оставалось очень мало, и мама берегла его для Наташи. Потом она укутывала покрепче Наташу, сама одевалась потеплее и, поцеловав дочку, выходила на улицу. На улице было ещё совсем темно, но мама так хорошо знала дорогу, что темноты не боялась. Да и людей на улице было уже много, ведь в это время все шли на работу. Люди шли по тротуару и по мостовой. У многих на груди, как большие медали, светились круглые синие бляшки. Их надевали для того, чтобы впотьмах не сталкиваться со встречными, не наскакивать друг на дружку.

Шла мама медленно: улицы были занесены снегом, а если

ночью по городу гуляла метель, то приходилось брести прямо по сугробам.

Но когда по дороге не бывало воздушного налёта или артиллерийского обстрела и не надо было отсиживаться в бомбоубежище, мама приходила на работу вовремя.

По дороге мама думала о Наташе. Конечно, она уже большая и разумная девочка, летом ей пошёл двенадцатый год, и всё-таки оставлять её на целый день одну дома было страшновато. А вдруг она так крепко уснёт, что не услышит воздушной тревоги и не сойдёт в убежище... Или увлечётся книжкой и не заметит, как из железной печурки выпал красный, опасный уголёк... Не наденет валенки или тёплый платок и простудится в очереди за хлебом...

...Но вот наконец и фабрика. Мама вешает в проходной номерок и по коридору идёт в свой пошивочный цех. Здесь она здоровается с подругами, растирает застывшие на морозе руки и берётся за работу.

На большом столе лежит несколько рулонов материи, а на полу целая гора серой ваты. Из этой материи и ваты надо за день сшить стёганные телогрейки и брюки.

Очень тяжело после долгого пути работать стоя, за высоким столом. Но сегодня мама не узнаёт своего стола: то

ли она выросла, то ли стол стал гораздо ниже. К ней подходит пожилая женщина, работница их цеха Романовна, и говорит:

— Ты, Ольга Николаевна, не удивляйся. Это я велела ножки у стола подпилить. Не могу глядеть, как ты стоя кроишь. Теперь садись, как все люди, на стул и крои сидя. Ну-ка, попробуй!

Мама садится. Конечно, так можно работать. И гораздо удобней! И гораздо легче! Отдыхают натруженные тяжёлой дорогой, отёкшие ноги. Умница Романовна! Добрая, заботливая у неё душа.

В цеху работают одни женщины. Среди них есть пожилые, есть средних лет, есть и совсем молоденькие. Но все они как будто похожи: уж очень худые и серые у них лица. Одни строчат на машинках, другие шьют на руках: простёгивают вату, обмётывают петли, пришивают пуговицы. Всем тяжело работать, но все работают на совесть, потому что знают, как нужна защитникам Ленинграда тёплая одежда и как трудно привезти её сейчас с Большой земли.

Рядом с пошивочным цехом — вязальный. Машин там нет, и женщины вяжут носки и варежки на спицах. Вяжут весь день, и есть такие мастерицы, что могут связать по паре, а то и по две больших солдатских носков. Тепло в таких носках будет нашим воинам в окопах.

Романовна — она и завхоз в цеху, и истопница — растапливает железную печку и ставит на неё большую кастрюлю с водой. Печка топится щепками, горит жарко, и в цеху скоро становится тепло. Когда вода закипает, Романовна кладёт в неё полную горсть соли, немного муки и несколько пачек дрожжей. Через пять минут суп готов — это их рабочий обед. Романовна разливает его по мискам.

Мама глотает немного пересоленный и горячий как огонь дрожжевой суп и думает о том, что вчера они с Наташей получили по карточкам крупу. Наверно, Наташа топит сейчас печку и варит себе кулеш. Сегодня она тоже будет сыта. И от этой приятной мысли и от горячего супа мама чувствует себя бодрее и крепче.

— А теперь компоту попейте, — говорит Романовна и из большого бидона наливает в кружки зелёного горьковатого

отвару.— Очень полезный! На сосновых и еловых иголках настоящий, чистый витамин,— добавляет она.

За обедом женщины отдыхают и беседуют. Говорят больше о войне. О том, что разогнали же немцев под Москвой, побили и под Ростовом, разобьют и погонят под Ленинградом. Ещё потерпеть немного, и всё будет хорошо!

После обеда — опять за работу. Романовна моет посуду, подбрасывает в печку угля — и где она его только берёт? — и, чтобы веселей работалось, что-нибудь рассказывает. Много она знает всяких историй, и рассказы у неё всегда занятные и часто смешные.

— Есть у нас в доме один мужчина,— рассказывает она сегодня.— Не мужчина, а прямо картина: здоровый и даже сейчас щекастый. На фронт не спешит, фрицев бить не торопится, а в убежище всегда первый бежит. И с чемоданом...— Романовна показывает руками, какого размера у щекастого чемодан.— Прыг-скок! Прыг-скок! Только не под мосток, а под дубовую колонну. У нас в убежище четыре такие колонны поставлены. Управдом говорит — для сопротивления материалов, чтоб убежище, если бомба в дом попадёт, не завалило. Сидит этот мужчина под самой колонной на своём чемодане, глаза зажмурит и до самого отбоя тревоги не шелохнётся.

Ну, а ребята в нашем доме глазастые, языкастые! Они его вмиг разгадали и прозвали «Дяденька Паникёр на чемодане». И нарочно его страшат. Есть у меня внучек Лёнька, озорник. Так вот этот дорогой мой Лёнька прислушивается, прислушивается и заявляет: «Фашистский бомбовоз прямо над нашим домом кружит! Затыкайте, ребята, уши, сейчас как бабахнет!»

Бомбовоз-то, может, над Васильевским островом летает или над Выборгской стороной, а Паникёр Лёньке верит. Сидит на своём чемодане, и руки-ноги у него так и трясутся...

Женщины посмеиваются, а молодая швея Марина говорит:

— Совсем никудышный он человек. Не ленинградский у него характер.

...А вот у тёти Кати, шофёра фабричной грузовой маши-

ны, характер ленинградский. Тут хоть бомбы падайте, хоть снаряды рвитесь, а в половине пятого её машина всегда у фабричных ворот. И сама она ходит по цехам, командует:

— Грузите одежду, девушки! Надо засветло мне на фронт добраться.

И доберётся. Машину она водить умеет. И фронт, он тут неподалёку, за Нарвской заставой...

На улице темнеет, и работа в швейном цеху кончается. При лампочке-мигалке много не нашьёшь. У вязальщиц дело другое. Вязать можно и в полутьме. Сиди себе да позвякивай спицами хоть до полуночи. Некоторые так и делают.

Многие женщины не уходят домой совсем. Те, у кого мужья на фронте, а дети увезены на Большую землю или ночуют в детском саду, тут и живут, на фабрике.

Но Ольге Николаевне надо домой. Дома у неё Наташа. Худенькая, бледная, терпеливая Наташа. Весь день она прожила без мамы, очень соскучилась и теперь, уж наверно, ждёт не дожждётся и посматривает всё время на часы.

Ольга Николаевна кончает работу и выходит на улицу. Если ничего не случится, через полтора часа она будет дома.

Мороз к вечеру усиливается, и снег скрипит под валенками. На улице быстро темнеет, и опять навстречу Ольге Николаевне идут люди с синими светящимися медальонами на груди.

...Вот уже больше половины трудной дороги осталось позади. Ещё каких-нибудь тридцать—сорок минут, и она будет дома. Но на Литейном проспекте мама не выдерживает и заходит в книжный магазин. Покупателей в нём сегодня мало. Молодая девушка просматривает медицинские учебники, и мальчишка лет двенадцати, присев на корточки, ищет на нижней полке какую-то, видно, очень нужную ему книжку. Продащица в меховой шапке сидит у свечи и читает. Она узнаёт Ольгу Николаевну, свою постоянную покупательницу, и говорит ей:

— Я приготовила вам «Белеет парус» Катаева и «Два капитана» Каверина и ещё одну очень хорошую книгу старого русского писателя Аксакова «Детские годы Багрова-внука». Ваша дочка будет довольна.

Мама улыбается.

— Ну ещё бы! Большое вам спасибо.

И бережно укладывает книжки в сумку.

Когда-то ведь мама тоже была девчонкой. Теперь ей кажется, что это было давным-давно, чуть не сто лет назад. И она тоже очень любила читать. Когда какая-нибудь страшно желанная книжка попадала ей в руки, она забывала обо всём на свете. И Наташа тоже очень обрадуется, оживится, повеселеет. И при мысли о Наташиной радости маме становится легче идти.

...Вот и их дом. Ольга Николаевна останавливается и, приподняв голову, оглядывает окна: нет ли где щели, не пробивается ли свет. Нет. Все окна черны и глухи, словно в доме никто и не живёт.

На скамейке у ворот, закутанная так, что еле видны глаза, в мужском тулупе, с противогазом на боку, сидит их дворничиха Прасковья Васильевна, она дежурит. Прасковья Васильевна узнаёт маму и говорит ей:

— Отдохните немножко, вам же подыматься на четвёртый этаж...

И мама садится с нею рядом. Она посидит только одну минутку и зато по лестнице будет всходить гораздо быстрее.

Прасковья Васильевна наклоняется и в темноте разглядывает мамино лицо.

— Что вы так мучаетесь?— говорит она маме.— За пять вёрст на работу ходите. У вас же дочка, пожалели бы себя ради неё. Посидели бы дома.

— У вас двое детей, а вы же работаете,— отвечает ей мама.

— Я тут, с ними рядом. А вы на другом краю города.

— Ничего. Весной, может, трамвай пойдёт, а до весны не так уж и далеко,— не сдаётся упрямая мама.

— До весны ещё долго нам мёрзнуть, а о дочке надо подумать,— вздыхает Прасковья Васильевна.

— Я думаю,— говорит мама.— Я всегда думаю о моей Наташе. И по дороге. И в цеху... Я о ней ни на минуту не забываю. Нигде... Никогда... Но для фронта работать надо...

— Надо,— соглашается Прасковья Васильевна.— С вашим-то характером можно ли не работать!

...И вот одну за другой преодолевает мама ступеньки своей широкой и когда-то такой нетрудной, удобной лестницы. Ничего. Самое тяжёлое уже позади. Сейчас мама постучит, и Наташа мигом откроет, как будто она стояла под дверью и всё время ждала этого стука. И весь вечер, и всю ночь они будут вместе, будут вдвоём.

А ночь зимой в Ленинграде длинная-предлинная, и, если не налетят фашисты, можно вполне выспаться, отдохнуть и набраться сил для нового трудового дня.

ГОРБУШКИ

Поезд шёл медленно, часто останавливался, подолгу стоял на разъездах. Но Гале не было скучно. Очень слабая, она часами дремала на верхней полке, а когда чувствовала себя лучше, читала или смотрела в окно.

За окном расстилалась белоснежная равнина: снега, снега и снега! Стоял конец марта, и снег искрился на солнце, а тени от деревьев были густые и тёмно-синие.

А когда они ехали лесом и навстречу им бежали огромные разлапистые ели, Гале казалось, что живёт она в старые-престарые былинные времена и что вот-вот засвистит в лесу Соловей-разбойник и, пробираясь сквозь чащу, выедут на дорогу Илья Муромец и Добрыня Никитич.

А иногда Галя просто лежала, закрыв глаза, и думала. Все её мысли были о Ленинграде, об осаждённом, голодном, страшно измученном, но бесконечно дорогим ей городе.

Она вспоминала оставшихся там ребят, представляла себе, что они сейчас делают, и скучала по ним.

Много товарищей было у Гали и раньше: сначала в детском саду, потом в школе. Дружила она и с ребятами своего двора. Вместе они играли, ходили в кино и в Таврический сад.

Но совсем по-особенному сблизились они во время блокадной зимы.

Гале теперь казалось, что, если бы в убежище не было

рядом с нею её друзей, она бы не пережила, не вынесла этих страшных бомбёжек и обстрелов.

Галя знала: уехать из Ленинграда было необходимо... У мамы очень отекли ноги, и она едва двигалась по комнате. Да и сама Галя так исхудала и ослабела, что с трудом поднималась на второй этаж.

Там далеко, куда они сейчас ехали, за густыми лесами и снежными полями, не падают бомбы, не рвутся снаряды. Там, в тихом бревенчатом доме, их ждут не дождутся дедушка и бабушка. Там мягкий, душистый хлеб, тёплое парное молоко. И сон. Спокойный и тихий, ничем не прерываемый сон!

Там, в тишине и на свежем воздухе, оживёт и поправится мама, окрепнет Галя. И всё-таки, если бы не мама, Галя ни за что не уехала бы из родного своего города.

Поезд подошёл к станции. Глядя в окно, Галя читала надписи: «Кипяток» и пониже — «Ленинградцам без очереди», «Душевая» и опять — «Ленинградцы без очереди». Вот как заботливо встречают ленинградцев на Большой земле.

Соседка по купе, молодой врач Нина Николаевна, помогала маме и Гале. Сейчас она собрала их посуду и отправилась в буфет за обедом.

Пообедали. Поезд тронулся. И под мерное постукивание колёс Галя опять задремала.

Через час поезд снова остановился на полустанке, и в вагоне вдруг стало очень шумно. Затопали ноги в галошах и в валенках, зазвучали громкие голоса. Запахло снегом, морозом, овчинными полушубками и как будто бы даже яблоками.

Гале лень было приоткрыть глаза, но сквозь дремоту она слышала, как Нина Николаевна вышла в коридор и, вернувшись, рассказывала маме, что это пионеры едут на ближайшую станцию и попросились в их вагон.

— Какие они румяные, загорелые! — говорила Нина Николаевна маме. — До чего ж не похожи на наших ленинградских ребят.

— Охота пуще неволи, — сказала мама. — За сорок вёрст в кино!

— Верно. Но они не одни: с ними их вожатая и учительница. У каждого по горбушке хлеба, это вместо обеда.

И фильм очень интересный, особенно для тех, кто уже учит историю,—«Александр Невский»,—добавила Нина Николаевна.

Вскоре она ушла в соседнее купе, где разместились пионеры. Звала с собой Галю, но та отказалась.

Ворвавшиеся в вагон ребята, разговор о кино и об уроках истории напомнили Гале о том, что в бабушкином селе её тоже ждёт школа. Ждёт чужой класс, незнакомые ученики. Такие же не похожие на неё. Вряд ли они захотят с нею дружить. Да и ей они тоже ведь совсем чужие, не то что её ленинградские друзья...

И Галя снова вернулась мыслями к покинутым ею товарищам.

«Что они сейчас делают?—думала она.—Как провели эту ночь? Носились ли над ними фашисты или сидели на своих аэродромах из-за морозной погоды? Привезли ли наконец в магазин сахар и сушёную картошку или всё ещё обещают? И удалось ли устроить в больницу Серёжину маму?»

А в соседнем купе собрались пионеры. Они сидели на свободных нижних полках и на коленях друг у дружки, стояли в дверях и в коридоре. Тихо, почти не дыша, с широко раскрытыми глазами слушали они Нину Николаевну. Она рассказывала им об осаждённом городе, который оставила всего два дня назад. Дети слушали, не отрывая от неё глаз, стараясь не пропустить ни одного слова.

А Галя тем временем опять задремала и не слышала, как они подъехали к станции, не заметила суеты, которая всегда поднимается в вагоне, если поезд стоит недолго, а пассажиров выходит много.

Пионеры вышли и отправились в железнодорожный клуб смотреть «Александра Невского». Поезд тронулся дальше, и в вагоне опять стало просторно и тихо.

В сумерках Галя проснулась, и первое, что ей бросилось в глаза, была горка хлебных горбушек, возвышающаяся на столике у окна.

Все горбушки были ржаные, но все разные. Были побольше и поменьше; были со сподкой, присыпанной мукой, и с прилипшими капустными листками; были с пригорелою верхней

корочкой, порумяней и побледней; но все, как одна, круто посоленные.

Мама спала на нижней полке. Нина Николаевна лежала на верхней и читала книжку.

— Нина Николаевна,— окликнула её Галя.— Вы не знаете, откуда взялось столько горбушек?

Нина Николаевна посмотрела на столик, покачала головой и засмеялась:

— Это всё тебе, чтобы ты поскорее поправлялась. И когда они успели их тут сложить? Даже я не заметила...

ПАЛОЧКА-ВЫРУЧАЛОЧКА

Всё на свете имеет конец. Кончилась и первая блокадная ленинградская зима. Ей на смену пришла тоже полная трудностей, опасностей и лишений, но всё-таки самая настоящая весна. Прогоняя холод и темноту, входили в осаждённый

Ленинград тёплые, светлые и длинные дни. И ленинградцы трудились насколько хватало сил, приводили в порядок свой город, чтобы устроить весне достойную встречу.

Уже во дворах и переулках растаял последний снег. В раскрытые окна остуженных и продымлённых за зиму квартир вливался свежий и тёплый воздух, и поговаривали о том, что в школах скоро начнутся занятия.

А пока ребята восстанавливали силы, ходили каждый день завтракать и обедать в специально открытые для детей столовые. А всё свободное время, истосковавшиеся за зиму по свежему воздуху, проводили во дворе.

Однажды Кирюшка и Таня сидели вместе со своими друзьями на лавочке и думали, во что бы им поиграть.

— Давайте в пряталки,—предложил Серёжа.

— Не в пряталки, а в прятки,—поправила его Таня.— А палочка-выручалочка у тебя есть?

Палочка у Серёжи нашлась. Все стали в круг, сжали руки в кулаки, и Таня стала считать.

Колпачок,
Колпачок,
Маленькие ножки,
Красные сапожки,—

приговаривала Таня и постукивала по каждому кулаку.

Это была очень старинная считалка, но, пока не придумали новой, можно было отлично пользоваться ею.

Водить выпало Гале. Она уселась на лавочку и крепко зажмурила глаза. Все разбежались.

— Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать! Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, я иду искать совсем! А-у! Я иду!—несколько раз громко повторила Галя.

Никто не откликнулся—значит, все спрятались. Тогда Галя открыла глаза и встала. И сейчас же, ну прямо в ту же секунду, палочка-выручалочка громко заколотила по скамейке.

Эта хитрость была тоже старая-престарая, и те, кто играл в прятки ещё при царе Петре Первом, наверное, её знали.

Надо было очень осторожно притаиться за спиной у водящего и, как только он откроет глаза, сразу же застучаться. Серёжа тоже знал эту древнюю хитрость и застучался первым. И теперь он восседал на лавочке с видом победителя и наблюдал, как Галя, ступая на цыпочках и осторожно оглядываясь, ходит по двору.

Но, несмотря на все Галины предосторожности, Таня успела выбежать и застучаться. А Вовка попался. Он зазевался в подъезде, в углу под лестницей, и Галя первая добежала до скамейки и схватила палочку.

Теперь надо было найти и застучать Киру. Галя снова обошла весь двор и даже выглянула на улицу, хотя по правилам игры на улице прятаться не разрешалось. Киры нигде не было. Неосмотренным оставался только чердак над флигелем, на который вела длинная и узкая, как змея, пожарная лестница. Галя подошла к лестнице и, закинув голову, старалась разглядеть, что делается на чердаке. В этот миг за её спиной раздался быстрый и громкий топот. Кирюшка проле-

тела как вихрь и, подхватив на бегу выручалочку, заколотила ею по скамье.

— Где ты была?— набросились на Киру ребята.

Она не успела ответить: не очень далеко грохнул и разорвался снаряд.

— Пойдём в убежище?— спросила Галя.

— Не надо! Сыграем ещё раз,— умоляла Кира.— Я такое место нашла: можно целый день просидеть, и никто не найдет...

Второй снаряд просвистел и разорвался где-то поближе. Со стороны Невы прогремели наши орудия.

«Артиллерийский обстрел района»,— объявил репродуктор.

Комендант Полина Ивановна вышла во двор и сказала строго:

— Марш в убежище! Живо!

С Полиной Ивановной не поспоришь. Друг за дружкой ребята сошли вниз. Здесь было совсем безопасно. Представьте себе довольно глубокий подвал с крепкими дубовыми колоннами. Подвал этот находится под двухэтажным флигелем. Можно сидеть в убежище спокойно и ничего не бояться. И всё-таки, когда один снаряд разорвался где-то совсем рядом и в убежище противно дрогнул пол и качнулись стены, ребята поёжились и притихли.

Потом Серёжа сказал:

— По госпиталю бьёт. Пристрелялся, мерзавец, и лупит. Вовка не согласился:

— Нет. Госпиталь гораздо левее. Скорее всего, в молочную попал.

Это был последний удар.

Обстрел кончился, и ребята вышли во двор. Игра в палочку-выручалочку продолжалась. Теперь водил Вовка.

Убегая, Кира позвала Галю:

— Пойдём со мной, я тебе покажу своё место, и мы спрячемся вдвоём. Пошли!

И они отправились.

В конце двора был высокий забор. Кира отогнула одну доску, и они пролезли в дыру.

— А в чужом дворе прятаться можно?—спросила принципиальная Галя.

— Пожалуйста! На улицу выходить нельзя. А в другом дворе прячься сколько хочешь,—ответила Кира.—Бежим скорей, здесь за домом есть замечательный сарайчик, в нём мы и спрячемся.

Взявшись за руки, они обогнули дом и, растерянные, остановились. Там, где всего полчаса назад стоял сарайчик и где так хорошо пряталась Кира, сейчас валялась груда обломков. Доски и куски ржавого железа смешались в одну кучу. И над этой кучей, как дым над трубой, вилась скучная серая пыль.

— Вот куда он попал,—сказала Галя.—А Вовка думал— в молочную. До молочной отсюда ещё целый квартал. Давай спрячемся хоть за домом, а то, слышишь, Вовка уже считает.

И, забежав за угол дома, они прижались к стене.

А из их двора слышался громкий Вовкин голос:

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, я иду искать совсем! А-у! Я иду!..

САМЫЕ ОБЫКНОВЕННЫЕ

В начале первой блокадной весны корреспонденту военной газеты Игорю Иванычу поручили написать очерк о самых младших защитниках города — ленинградских пионерах.

— Не ищите каких-нибудь особенных героев,—сказали корреспонденту.—Зайдите в любой дом, познакомьтесь с самыми обыкновенными ребятами и попросите, чтобы они рассказали вам, как они живут в тяжёлых условиях блокады, как помогают взрослым в обороне города, как заботятся о малышах.

Игорю Иванычу задание понравилось. На следующее утро он облюбовал большой, неплохо сохранившийся дом, разыскал коменданта и, показав редакционное удостоверение, объяснил, зачем он сюда пришёл.

Комендант Полина Ивановна, молодая энергичная женщина, сказала:

— До войны мне случалось иногда ссориться с нашими ребятами: то из-за разбитого стекла, то из-за шума и драки во дворе. Но сейчас я не только не могу ни на кого из них пожаловаться, но я должна вам сказать, что таких трудолюбивых, терпеливых и смелых детей, как в нашем доме, наверное, нет на всём свете.

Корреспондент спорить с Полиной Ивановной не стал. Он только спросил её, с кем из ребят советуется она ему побеседовать.

— Поговорите с каждым хотя бы понемножку,— ответила Полина Ивановна.— Например, с Серёжей из пятой квартиры. Познакомьтесь с ним поближе и непременно о нём напишите.

Игорь Иваныч поблагодарил коменданта и отправился в пятую квартиру.

* * *

Серёжу корреспондент застал за работой. Намотав на щётку мокрую тряпку, Серёжа протирал пол. Игорь Иваныч представился и спросил:

— Занимаешься генеральной уборкой?

— Угу,— коротко ответил Серёжа и вслед за щёткой нырнул под кровать.

— Давай-ка устроим перерыв и побеседуем,— предложил корреспондент. Он сел к столу, вынул блокнот и ручку и приготовился записывать.

Серёжа послушно перевернул щётку тряпкой вверх, поставил её у печки и тоже уселся за стол.

— А о чём мы будем беседовать?— спросил он.

— Обо всём. О том, как ты жил нынче зимой в осаждённом городе, как помогал взрослым защищать Ленинград от фашистов. Я твой рассказ запишу, а потом его напечатают в газете.

Серёжа пожал плечами.

— Жил, как все жили, плохо. Да вы же сами знаете, как жилось зимой ленинградцам. Теперь лучше живём, потому что кольцо блокады наши войска разбили и есть Дорога жизни. И с Большой земли все нам теперь помогают.

— Это я знаю,— сказал Игорь Иваныч.

— А защищать Ленинград я не мог, потому что совсем ничего не умею: ни на крыше дежурить, ни стрелять...— Серёжа вздохнул.

Игорь Иванович кончил записывать и сказал:

— Никто и не думает, что ты умеешь стрелять. Окна бумагой заклеивал?

— Да.

— За затемнением следил?

— А как же!

— Воду и песок на чердак таскал?

— Таскал...

— И бомбы зажигательные тушил?

— Ни одной! Это Вовка из третьего номера. Он в нашем дворе за один вечер четыре зажигалки потушил. А я только ящик с песком к нему подтаскивал...

— И правильно делал,— похвалил корреспондент.— А если бы Вовке пришлось самому и ящик тащить, и бомбы тушить, он бы, наверное, так ловко не управился. Верно?

Но Серёжа не согласился:

— Управился бы. Вы не знаете, какой у нас Вовка.

— А Вовка—это кто? Твой товарищ?—спросил Игорь Иванович.

— Мой друг. Самый лучший. Вот о нём напишите в газету. Он знаете какой парень! Он почтальона всегда внизу ждёт. Возьмёт у него почту и по всем квартирам разносит. Потому что почтальон уже старенький и сердце у него слабое. А у Вовки сердце ещё здоровое.

— И, должно быть, хорошее, доброе,—сказал корреспондент.

— Очень доброе...—подтвердил Серёжа.—Он ещё и лампочек тридцать штук сделал и всем подарил.—Серёжа взял стоявшую на тумбочке лампочку-ночник и показал Игорю Ивановичу.

— Это называется коптилка,—сказал Игорь Иванович.

— Неправда. Она совсем не коптит, если аккуратно чистить фитилёк и не очень его вытягивать. Зато керосину в неё надо чуть-чуть, а горит она так хорошо, что даже читать можно.

Корреспондент кивнул головой и сказал:

— Вот видишь, твой лучший друг Вовка тоже из тяжёлых орудий не стрелял, а жить людям помогал. Зимой ленинградской ночи конца нет, и без света не только от бомбы, а и от скуки пропасть можно. А зажжёт Вовкину лампочку — можешь и книжку почитать, и порисовать, и в шахматы поиграть.

— Всё можно, — согласился Серёжа. — Вы к Вовке сейчас сходите и про него напечатайте. Про него всем интересно будет читать.

— Спасибо за добрый совет, — сказал Игорь Иванович, пожимая на прощание Серёжину руку.

* * *

Вовки дома не оказалось. Соседи сказали, что он во дворе, и Игорь Иванович отправился его разыскивать. Во дворе было уже почти сухо, но у крыльца, на северной стороне дома, ещё лежал сгрудившийся почерневший снег. Вовка раскалывал его на куски железной лопатой.

— С зимой воюешь? — спросил Игорь Иванович.

— Зима давно кончилась. А эта куча до Первого мая не растает, если её не разбить, — ответил Вовка. — А вы, наверное, коменданта разыскиваете?

— Нет. Мне тебя надо. Ведь ты Вова?

— Вова.

— А я — Игорь Иванович, сотрудник газеты. Хочу написать о том, как ты зажигательные бомбы тушил. Расскажешь?

Вовка сдвинул на затылок шапку, пригладил взмокший чуб и сказал:

— А чего рассказывать? Как все, так и мы. Был снег. Бомбы на снег упали. А мы с Серёжкой песком их засыпали.

— А ты подробно расскажи. Где упали, сколько их было и как вы их засыпали? Почему песком, а не снегом?

— Да нечего тут рассказывать, — усмехнулся Вовка. — Увидел бы кто другой, тоже потушил бы. Если про каждую бомбу писать в газету, так и газеты не хватит...

— Уж больно суровый ты парень, — сказал корреспон-

дент.— Другой бы обрадовался, что хотят напечатать в газете о том, как он людей от пожара спас, а ты недоволен.

— Да никого я не спасал,— развёл руками Вовка.— Такие зажигалки трёхлетний ребёнок может потушить. А вот у нас одна девочка из девятой квартиры в самом деле мальчишку спасла.

— Как же это?— заволновался корреспондент и уже вытаскивал из кармана блокнот, чтобы ничего не пропустить, всё записать.

— А очень просто,— сказал Вовка.— Вы садитесь на крыльцо и пишете, а я вам буду рассказывать.

Игорь Иванович послушно уселся на ступеньку, а Вовка, опершись на лопату, стал рассказывать.

— Её зовут Таня, ей скоро двенадцать лет. А его зовут Валька, ему четыре года. Они живут в одной квартире. Их папы на том заводе работают, где делают танки. И мамы тоже у них на работе. Когда начался обстрел, ни одной мамы не было. Таня схватила Вальку на руки и понесла в убежище.

А в это время снаряд за окном — грох! Стекло у них в комнате — дзынь! И осколок, такой порядочный, на пол — бряк! Да как раз в том месте, где Валька перед этим с игрушками возился. Кубики все разлетелись, и полуторка заводная — в щепки! Вот и всё.

— Большое тебе спасибо, — поблагодарил Вовку корреспондент. — Ты отлично рассказал, и я всё успел записать. Но в девятую квартиру я всё-таки загляну: хочу познакомиться с Таней и Валькой.

Игорь Иванович ушёл, а Вовка остался во дворе заниматься своим делом. Он расколол весь снег, потом сгрёб его в кучу и поволок в заднюю часть двора, где снег мог спокойно лежать и таять, никому не мешая.

* * *

Таня была дома. У Вальки с утра немного побаливал живот, он решил не ходить в детский сад.

Таня стирала мамин рабочий халат, а Валька, примостившись на табуретке у кухонного стола, рисовал самолёты.

Представившись и дав Вальке полюбоваться красивым корреспондентским удостоверением, Игорь Иванович тоже присел к столу и спросил Вальку, что он рисует.

— А вы разве не видите? — искренне удивился Валька. — Это же наши ястребки. — И он показал на крылатые фигурки, раскиданные по всему листу. — А это фашистские бомбовозы, — ткнул он пальцем в какие-то хвостики и закорючки, сбившиеся в самом низу листа.

— Ястребки-то похожи, а вот бомбовозов я что-то не вижу, — сознался дотошный корреспондент.

— И не увидите, — сказал Валька. — Потому что наши лётчики их уже разбомбили. Это обломки от них валяются, — указал он на хвостики. — Сейчас я ещё дым нарисую, и тогда они совсем сгорят. — И толстым чёрным карандашом стал рисовать на бумаге круги, изображая клубы густого дыма.

Тем временем Таня кончила полоскать халат, отжала и повесила его на верёвке.

— Ну, Танюша, — попросил её Игорь Иванович, — расскажи,

как в вашу квартиру попал осколок снаряда и как ты спасла этого гражданина.

Таня смутилась.

— Обыкновенно попал,— сказал Валька.— Через окно и прямо в мою грузовую машину.

— А вы-то где ж в это время были?— притворился, что ничего не знает, Игорь Иванович.

— Где все, там и мы. Сидели в бомбоубежище,— ответила Таня. Она взяла со стола ленту и, заплетая косу, сказала:— Не могла же я одна убежать, а Вальку бросить? Только вы, пожалуйста, в газету об этом не пишите. Вы лучше напишите про Киру из седьмого номера. Она взяла маленькую девочку, и купает её, и гуляет с ней, и кашу ей варит. Даже платье сама ей сшила и капор.

— У этой Леночки мама умерла. Она теперь Киру мамой зовёт,— вступил в разговор Валька.

— А как вы думаете, Кира сейчас дома?— поинтересовался корреспондент.

— Дома! Дома! Идите скорее к ней и про неё напишите,— оживилась Таня. Она проводила корреспондента до дверей и вернулась в кухню.

— Одевайся, и пойдём в магазин,— приказала она Вальке.— А то этот дяденька может ещё вернуться и опять захочет про нас писать. А зачем о нас писать, если мы никаких подвигов не совершали. Верно, Валька?

И Валька, конечно, согласился. потому что он всегда во всём соглашался со своим другом Таней.

* * *

Кира и Леночка недавно возвратились с прогулки. Свежий весенний воздух разморил их обеих. Кира уложила Леночку на диван, сама прикорнула с нею рядом и тоже уснула.

На счастье Игоря Ивановича, Кирюшкина мама была сегодня дома. Она встретила корреспондента, пригласила его в другую комнату и по его просьбе рассказала ему всю грустную историю. О том, как умерла в середине зимы от голода и холода Леночкина мама, как принесла Кира осиротевшую де-

вочку и как выхаживала она чуть живое, измученное блокадой дитя.

— Очень трудно было Кирюшке,— рассказывала мама.— Ведь я по несколько суток не приходила тогда из госпиталя домой и ничем не могла ей помочь. Приходилось Кире и воду таскать, и печку топить, и пелёнки стирать, и добывать для девочки соевое молоко, ведь на одном сухом хлебе ребёнок ни за что бы не выжил... Но что я так хвалю мою дочку? — спохватилась мама.— В блокаду всем тяжело живётся. И другие ребята трудятся не меньше моей Кире. В нашем доме живёт один мальчуган, сын капитана-танкиста Лаврикова. Так вот этот мальчик двух ребятишек нянчит: тоже дети фронтовика-офицера.

— И матери у них нет? — спросил Игорь Иванович.

— Упаси бог! Мать и жива и здорова. Она комендант нашего дома. Очень умная и энергичная женщина. Благодаря ей и дом наш и бомбоубежище в образцовом порядке. У нас сейчас и вода идёт, и дрова есть, и уголь. Даже прачечная начала работать. Но детей Полине Ивановне часто приходится оставлять одних. Сначала у неё в квартире был пионерский пост: дежурили по очереди все наши пионеры. Но получалось не совсем ладно. Сегодня малыши слушаются одного, завтра — другого, а послезавтра явится третий командир и приказы двух первых отменит. И тогда Лавриков взялся один смотреть за ребятами. И, представьте себе, навёл порядок. Малыши в нём души не чают и слушаются его беспрекословно. И Славик, и маленькая Катюша.

— Хотел бы я повидать этого Лаврикова,— сказал Игорь Иванович.

— Конечно, повидайте! Но дома вы его не ищите, а ступайте прямо к коменданту, в четвёртую квартиру,— посоветовала мама.

Корреспондент так и сделал. Через минуту он уже стучался в четвёртую квартиру, где жили дети коменданта дома, Катюша и Славик. А Кирина мама пошла топить печку и готовить двум своим девочкам нехитрый обед.

Игорю Ивановичу открыл двери Серёжа.

— А, и ты тоже здесь,— сказал корреспондент.— Ты не знаешь, комендант дома?

— Нету её, она ушла по делам.

— А дети?

— Дети дома,— улыбнулся Серёжа.— Только чего о них писать, они ещё маленькие.

— Я бы хотел с ними познакомиться.

— Пожалуйста,— вежливо пригласил Серёжа.— Только лучше снимите шинель, а то на ней могут быть какие-нибудь бактерии.

— Слушаюсь,— согласился Игорь Иванович. Снял шапку и шинель, вытер об половичок ноги и следом за Серёжей отправился в комнату.

Это оказалась довольно большая и светлая комната. Стёкла в её обоих окнах были целы, а солнце золотыми дорожками разбегалось по полу.

Посреди комнаты на коврике возились с игрушками два малыша в одинаковых бумазейных шароварчиках. Мальчик был постарше, лет около трёх, с серыми, как мышки, глазёнками и тёмными бровками. Девочка напоминала одуванчик, такие у неё были белые, кудрявые и пушистые волосики. Старший воздвигал дом из кубиков, девочка пыталась его разрушить.

— Сеёжа,— проговорил старший,— не вели Катейне мне мешать!

Серёжа взял за руку Одуванчика-Катерину и отвёл в сторону.

— Не надо мешать Славику. Мы лучше будем сейчас с тобой кофе варить,— предложил он ей.

Игорь Иванович молча наблюдал за детьми. Когда отношения наладились и на печурку была поставлена кастрюля с ячменным кофе, он спросил Серёжу:

— А где же Лавриков?

— Лавриков — это я,— ответил Серёжа.

— Сын капитана-танкиста?

— Да. Мой папа танкист.

— Так вот оно что! — засмеялся корреспондент.— Ну, теперь, хитрый пионер Лавриков, ты от меня не уйдёшь. Уж теперь-то я о тебе напишу! — Он сел прямо на пол рядом со Славиком, достал блокнот, в котором осталось уже совсем мало чистых страниц, и стал писать.

Серёжа подошёл и остановился за его спиной. Немного подумал и сказал:

— И охота вам...

— Чего это мне охота? — спросил Игорь Иванович.

Серёжа покачал головой:

— Охота вам писать о самых обыкновенных ребятах. Вы бы лучше искали настоящих героев... В Ленинграде их очень много.

СОДЕРЖАНИЕ

Товарищи ленинградцы	3
Кирюшка	9
Осколок	15
Первая радость	20
Разговор о Пушкине	26
Письмо	31
Хлебные крошки	35
За крапивой	37
Ленинградский характер	40
Горбушки	47
Палочка-выручалочка	50
Самые обыкновенные	54

Для младшего школьного возраста

Нарасва Вера Евгеньевна

МАЛЕНЬКИЕ ЛЕНИНГРАДЦЫ

Рассказы

Ответственный редактор Л. Г. Тихомирова. Художественный редактор С. К. Пушкова. Технические редакторы Л. П. Костинова и Г. В. Лазарева. Корректоры Л. М. Короткина и Т. Ф. Юдичева.
Сдано в набор 13/III 1969 г. Подписано к печати 2/VI 1969 г. Формат 70×92¹/₁₆. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 4,68. (Уч.-изд. л. 3,5). Тираж 100 000 экз.
ТП 1969 № 231. Цена 12 коп. на бум № 2.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 3944.

